

переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошадях, не отдыхая: затрясли было». ³⁴ В «Житии», в соответствии со всей художественной тканью произведения, это место приобретает драматическую напряженность, что достигается и изменением спокойной интонации письма на драматически-сказовый стиль, и изменением синтаксиса, и продуманной детализацией описания, введением эпитетов, отбором выразительных слов: «Опять к Москве свезли то мнова человека, посадя на старую лошадь; пристав созади — побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одним перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы». ³⁵

Интересную роль в «Житии» выполняет пейзаж, встречающийся здесь дважды. Соглашаясь с В. Виноградовым, что пейзаж «в обоих случаях служит для обострения действия», ³⁶ подчеркнем, что именно в этом проявляется драматическая функция пейзажа, однако не непосредственно, а косвенно, и в каждом случае по-своему.

В первом случае, ³⁷ несмотря на большой интерес к деталям (называются многие виды животных и птиц), пейзаж выполняет чисто служебную роль; это наивно раскрывается в последней фразе («На те горы выбивал меня Пашков...»); дается поэтому он в мрачных тонах. Обращает на себя внимание необычное для Аввакума построение предложений: почти полное отсутствие глаголов, перечисление предметов со сказуемым-прилагательным, что и придает описанию необходимую мрачную выразительность («Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заламя голову»). Этим средством Аввакум искусно пользуется в другом месте: «Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет... Ох, времени тому». ³⁸ И еще: «Страна варварская, иноземцы немирные».

Во всех трех случаях, как видим, отмеченный прием несет строго определенную функцию: придает рассказу мрачную, суровую интонацию. Интересно в этом отношении сравнить приведенные места со вторым пейзажем, представляющим описание «Байкалова моря». ³⁹

Непосредственно служебной роли этот пейзаж не выполняет; он приобретает более самостоятельное значение, еще большее внимание уделяется подробностям; появляется красивое образное сравнение плавающих гусей и лебедей со снегом. Но пейзаж завершает собою повесть о даурской ссылке — одном из самых страшных эпизодов «плавания» Аввакума, поэтому он проникнут светлым настроением. Люди спаслись от бури и на надежной земле спокойно наблюдают природу. Пейзаж должен передать их душевное состояние. Характерно, что прилагательное перестает здесь выполнять роль сказуемого, как это мы наблюдали в приведенных выше примерах, и превращается в простой эпитет, поставленный, однако, вслед за существительным. Число инверсий по сравнению с первым пейзажем увеличено, что сообщает рассказу своеобразную покойно-неторопливую

³⁴ В. И. Малышев. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документальные материалы о нем. Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета, вып. 3, 1951, стр. 261—262.

³⁵ Житие, стр. 170; разрядка моя, — В. Г.

³⁶ Русская речь, стр. 281.

³⁷ Житие, 87—88: описание берега р. Тунгузки у порога Долгого.

³⁸ Житие, стр. 93

³⁹ Житие, стр. 110—111.